МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
ул. Кирова, 26/6. Телеф. 96-60
Вырезка из газеты ОМСКАЯ ПРАВДА
от 29 ноя. 39 г.
Омск Газета №

В. ШАПИРО

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ

(„Испанцы"—Лермонтова и „Егор Булычов и другие"—Горького на сцене Тюменского драматического театра)

Лермонтовский юбилей принес пристальное внимание наших театров к драматургическому наследству поэта. И вслед за Омским областным драматическим театром, поставившим «Маскараад», Тюменский театр осуществил постановку «Испанцев».

Трудно сказать, что побудило театр поставить именно «Испанцев». Может быть нежелание дублировать «Маскараад», шедший в Омске? Но так или иначе — нельзя порицать театр за то, что он избрал одну из тех пьес Лермонтова, которые меньше других (и особенно «Маскараад») видели свет рампы.

Написанная юным поэтом на заре его творчества, эта трагедия ясно носит на себе следы влияния Шекспира, Шиллера, Вальтера Скотта, произведениями которых в то время сильно увлекался Лермонтов. Характеров и выбор места действия — Испания времен инквизиции. Специалисты и комментаторы устанавливают даже точную родословную героев трагедии и ее сюжета,—от «Натана Мудрого»—Лессинга до «Дон Карлоса» — Шиллера. Все это, однако, не дает никаких оснований говорить о каком-то подражательстве и копировании. В «Испанцах», несмотря на то, что они были написаны неопытной рукой юного поэта, почти подростка, чувствуется огромное клокание страстей, глубокая мысль, свое, лермонтовское, отношение к жизни и судьбе героев. Они кипят не к милости, не к мщению. Их унижают, их они всегда горды. Они страдают, но не любуются своими страданиями. И Фернандо, и Энжиэна, и Неемн не боятся смерти, но это только потому, что они любят жизнь, достойную человека. Поэт сумел выразить «душ необъятный жар и дикой страсти пыл мятежной» своих героев.

В советском театре «Испанцы» могут и должны научить, как пылкий протест против угнетения человеческой личности. Дон Алварец, испанский дворянин, сухой и черствый эгоист, для которого сословные предрассудки выше счастья его дочери; донна Мария—его жена,—бессердечная женщина, сводящая, умудренная третьим замужеством (ей «опытность рассудок заменяет»); патер Сорриги, — нечуют с ног до головы,—это все олицетворение феодальной Испании. И с другой стороны — Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алваресом и влюбленный в его дочь Энжиэну, и сама Энжиэна, полубешеная этого мужественного и честного человека — погибают, как жертвы общества и времени, в котором нет места свободному проявлению человеческих чувств. Одновременно Лермонтов разрабатывает тему национального угнетения (евреи Моисей и его дочь Неемн), неразрывно связанную с сюжетом трагедии.

Если говорить об «Испанцах» на сцене Тюменского театра, то прежде всего надо сказать об оформлении В. В. Тележинского. Это очень культурный и вдумчивый художник, о чем, в частности, говорит и его работы, экспонированные на 3-й областной художественной выставке. Тяжелые колонны, суровая стража, серые мрачные тона, темные, слегка намеченные контуры предков в нишах инквизиции Алвареца, — такое оформление сразу переносит нас во времена инквизиции и как нельзя более соответствует содержанию пьесы. Лермонтов хотел показать на сцене жизнь, потребовавшую под таким гнетом реальностью, национальных и сословных предрассудков, и наиболее ярко в пьесе на сцене Тюменского театра это сумел осуществить художник.

Главным средством выражения мыслей и чувств Лермонтова было слово. Но лермонтовское слово на тюменской сцене звучит часто бледно и невыразительно. Постановщик (Н. А. Смебовский) и многие актеры, как видно, мало работали над стихом и поэтому спектакль много теряет.

Актерское исполнение находится на весьма неодинаковом уровне. Неудачен М. И. Волошин в роли Моисея. Следуя трагедийным шаблонам, он повышает свой голос до крика и делает это как раз тогда, когда надыдает руки к небу... Это достаточно драматично и едва ли помогает зрителю лучше понять Лермонтова. Значительно лучше ведет свою роль З. Ю. Самсонова (Неемн, дочь Моисея), создавшая один из наиболее удачных образов спектакля. Пластически четка и выразительна ее жест, хороша дикция, приятно и сильно звучит лермонтовское слово. Все эти качества помогли актрисе при серьезной работе над ролью раскрыть трагический образ своей героини и донести его до зрителя. Другой центральный женский образ спектакля — Энжиэна. Е. С. Стаевна ведет ее преимущественно в бытовом плане. Актриса играет хорошо, но играет лишь трагедию Энжиэны, — она не сумела коснуться до обобщения и показать в образе Энжиэны трагедию униженного и попранного человеческого чувства. Лучше сумел это сделать Н. П. Калентер (Фернандо).

Вообще же надо сказать, что увлечение романтической стороной трагедии весьма заметно (может быть, против воли постановщика) сказалось на всем спектакле. Дон Алварец (Н. Н. Райцев)—это в спектакле Тюменского театра только глуповатый и черствый старик, не никак не испанский аристократ времени инквизиции. Ю. С. Беброва сценически грамотно играет донну Марию. Но все же это скорее замоскворецкая купчиха, чем жена Алвареца. Это больше Островский, чем Лермонтов...

Особо надо отметить Н. А. Войнаровского в роли патера Сорриги. Он дал обобщенный образ мещуна, служителя великой инквизиции. Его жестокость, лицемерие, развращенность, глубокую внутреннюю пустоту хорошо и сдержанно сумел передать актер.

Каков же вывод? Лермонтовский спектакль в полном его удаче театру. Он познакомил тюменского зрителя с одним из любимых и малоизвестных драматических произведений нашего великого поэта. Он поможет, надеюсь, творческому усовершенствованию, росту театрального коллектива. Но он, этот спектакль, является все же неровной, несовершенной работой.

* * *

И вот «Егор Булычов и другие». Вновь зрелое произведение, вершина советской драматургии, лучшая пьеса великого мастера литературы Максима Горького. Пьеса гигантских масштабов, огромных философских обобщений, неповторимой красоты, почти осязаемой весомости каждого слова.

Можно все о чем спорить с постановщиком этого спектакля в Тюмени, но все же и прежде всего постановка радует, как высокомерный творческий успех, особенно после весьма посредственных «Испанцев».

В чем же тут дело? Может быть горьковская тема ближе, понятнее театру. Или быть может здесь подошли с большей ответственностью к работе над пьесой величайшего революционного писателя?

Успех спектакля прежде всего и главным образом делает исполнитель главной роли (он же постановщик спектакля) А. С. Столяров. Егор Булычов — одна из сложнейших ролей горьковского репертуара. Первым, с мужеством настоящего художника, он нес скалы одни из лучших артистов нашей эпохи Б. В. Шукин. Он первый раскрыл зерно этого образа и, по выражению одного из критиков, играл в умирающем Булычеве — жизнь. Горький написал, а Шукин показал нам человека эрзацлобного лагеря, который, — казалось бы, странно! — вызывает у советского зрителя чувство симпатии и уважения.

Но ничего странного здесь нет. Булычов заслуживает симпатии, потому что он выше, умнее, честнее окружающих его людей: потому что он ясно видит пошлость образ своего класса, и особенно потому, что он стремится разорвать те путы, которыми он, и прошлое человека из народа, сам себя сковал («Понимаешь... какой случай... Не на той улице я живу! В чужие ворота попал, лет тридцать все с чужими...»).

Станиславский как-то сказал: «Горькое надо уметь произносить так, чтобы фраза звучала и жила». Особенно это требуется от актера, играющего Булычова. Каждое слово здесь — остро отточенная мысль, яркий афоризм, остроумальное по неожиданности сравнение. (Например: «И людей хороших — нет. Хорошие — решки, как... фальшивые деньги»):

А. С. Столяров хорошо понял своего героя и бережет каждое его слово. Вот Егор Булычов узнает, что рабочие бунтуют, хотят сами хозяйничать. И с усмешкой он категорически говорит, с ударением на о:

— Ерунда. Прольют государство.

Проходит какое-то мгновение, поворот мысли и в голосе Булычева—легкое сомнение, опять усмешка, но уже иная, лукавая. И спокойно:

— Да... А вдруг — не прольют?

Это и много других мест актер играет очень хорошо. Например, сцена с игуменой Мелиной (М. И. Семена). Она идет строгая, отрешенная от жизни, вся в черном. Но Егор-то знает ее хорошо: мальчишеским жестом он подкидывает ее в бок. И это—не вольность, не отсебятина, а актерская находка. В этом весь Булычов—его неукротимая жажда жизни, его презрение к лицемерию и лицемерию. Столяров хорошо показывает отношение Булычова к собственной семье, создает образ еще сильнее, но уже обреченного человека — обломок гибнущего корабля.

Повторяем, работа Столярова — пример изумительной, серьезной творческой работы над образом и актером—творческая удача. В умении актеру можно поставить только некоторое отличение образа, позыгрывание под зрителя в сценах, где проявляется самогурство Булычова. Столяров как бы хотел дать разрядку, отдушину, помешить зрителя. А это ни к чему — ниже возможностей актера и потребностей зрителя.

Хочется отметить М. С. Карпову в роли побочной дочери Булычова —Александры. Умная, спокойная, злая—характеризует ее Горький. И Карпова поверила в эти слова. Она умна, очень умна, ей тесно в этом доме: «Вот когда начнется революция, я развернусь! Увидишь!» —говорит она. Порывистая, по-отцовски прямая и резкая, с угловатыми немного движениями, — такой и должна быть эта девушка, столь чуждая и булычовском доме. Хороши А. Г. Истомина (Ксения), М. И. Семена (игуменья Мелания), Ю. С. Беброва (Глафира), А. И. Петницкий (Звонцов — муж Варвары), Г. М. Растергуев (поп Павлин). Актерский ансамбль в целом играет ровно и слаженно.

Но есть претензии к Столярову — не Булычову, а к Столярову — постановщику спектакля. Во-первых, надо было более ярко и отчетливо показать, что разложение семьи Булычовых — это не семейная драма, но социальная трагедия, что это—не просто чувствие люди, ищущие смерти богатого отца, а крысы, удирающие с тонущего корабля. Эта линия спектакля, хорошо угадывается самому Столярову, а также Семена и Нестеровой (Варвара) должна быть усилена у других исполнителей.

Во-вторых, слишком грубо и утилитарно натуралистически — старательное окапье, которое многие исполнителям просто на просто не удается и звучит фальшиво. В-третьих, зачем понадобилось «усиливать» «похотливость» Горького и вводить дивертисмент — романс Вертинского в исполнении Антонины? Он ни к чему. Ведь нашел же постановщик в себе силы отказаться от колоссального многого театрами дробления трех-частной пьесы на многочисленные эпизоды! И отказаться от этого только выиграл.

После «Испанцев», кажется, так сказать, учебное значение, — «Егор Булычов» — серьезная творческая победа Тюменского театра.

г. Тюмень.